

В его театре актер, играющий Гамлета в другом спектакле занял лишь в массовке. В его театре режиссер-постановщик столь молод, что в одном из спектаклей играет роль десятиклассника.

В его театре за 15 лет существования было поставлено 14 дипломных работ совсем юными режиссерами.

Средний возраст актеров труппы его театра 26 лет.

Называется театр Ереванский драматический. А он — Рачья Никитич Каплянян — основатель и художественный руководитель театра, один из крупнейших театральных режиссеров страны, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и Армянской ССР. Его спектакли знают не только в Ереване. Его «Ричарду III» поставленному на вахтанговской сцене, и «Призанию» — в Малом театре, аплодировала Москва, спектаклю «Живой групп» — Братислава...

— Я буду рассказывать свою жизнь подробно, как сказку, — улыбается Рачья Никитич. — Тем более, что и начало моей театральной биографии было прямо-таки волшебное. Я вырос в Ленинакане, мой отец — рабочий, один из основателей Ленинаканской текстильной фабрики. Я рос в совершенно нетеатральной семье, но с раннего детства обожал выступать на сцене. Когда мне было 12 лет, меня заметили на одном из школьных вечеров и пригласили в Ленинаканский театр на роль не кого-нибудь, а юного Маяковского — ну разве не сказка? Ребенком влюбившись в театр, я полюбил его навсегда! Мои родители сначала сильно переживали: сможет ли их ребенок и в школе учиться, и в театре играть, но потом и они поняли: кто однажды заболел театром всерьез — тот уже неизлечим. В 15 лет я уже актер Ереванского ТЮЗа, там же начал заниматься театральной режиссурой, был помощником режиссера. А потом — война...

Гибнут один за другим люди, и на сцене — один за другим — появляются кресты, и концы спектакля сцена превращается в кладбище. Война алой и белой кровью. Так решает Каплянян пьесу Шекспира «Генрих VI». И эта постановка звучит как вызов войне, вызов тем, о ком сам Каплянян говорит: «Они хотят превратить нашу землю в огромное кладбище, а потом на этом кладбище жить». Ненависть и войне зародилась в режиссере, когда он девятнадцатилетним ушел на фронт и впервые увидел как впитывает земля человеческую кровь...

— В 1942 году погиб мой отец, и добровольцем я ушел на фронт, воевал до Победы. Война стала для меня школой мужества, братства людей и, как это ни покажется парадоксальным, в определенной мере — школой режиссуры. Я был политработником, на привалах ставил с солдатами короткие спектакли. Когда разговаривают пушки — музы не молчат, наоборот, рождается еще большая потребность в них.

После войны учился во МХАТе, и вдруг меня неожиданно

данно отозвали и сделали главным режиссером Ереванского ТЮЗа. Боялся ужасно: ведь мне надо было работать с людьми, которые помнили меня ребенком, надо было ими руководить! Но в меня верили, мне доверяли, а если есть вера — молодой человек, мне кажется, горы может свернуть.

По своему опыту считаю: надо молодым доверять смелее. А то ведь ахаем: «Откуда у нас такая инфантильная молодежь берется?» А она, между прочим, берется и от нашей боязни доверять тоже...

Рачья Каплянян:

«Я ВЕЗУЧИЙ ЧЕЛОВЕК»

Но тут сразу вот какой вопрос возникает: «Какое качество необходимо молодому художнику, чтобы он мог состояться?» Думаю (кстати, проблема не только к искусству относится), почему так бывает: готовят людей одинаково, преподаватели — те же, но одни становятся профессионалами, другие нет. В чем дело? В том, мне кажется, что мы подчас слишком много внимания уделяем воспитанию профессиональных качеств, и очень мало думаем над тем, какого гражданина мы воспитываем.

Часто повторяем: человек должен иметь гражданскую позицию. Но всегда ли хватает у нас терпения объяснить молодым, а что это, в сущности, значит? На мой взгляд, гражданином может называться тот, кто чувствует боль своей страны, кто чувствует болевые точки времени. Поэтому я уверен: современный режиссер обязан быть социологом, обязан досконально знать время, в котором живет. Он может стать классиком, может — новые пьесы, суть не в этом. Главное, чтобы они говорили современному зрителю о самом наиболее важном. Это я не устаю повторять своим ученикам.

...15 лет назад молодыми актрисами в Ереване завладела мечта создать свой театр. «Хотим сделать свой «Современник», — говорили они. На них смотрели по-разному: кто-то иронично, кто-то даже зло — куда, мол, суетесь? В успех их дела не очень верили. В них

поверил Каплянян. Под его руководством открылся театр-студия при Армянском театральном обществе. Долго решали: каким спектаклем начать постановки. Выбрали «Оптимистическую трагедию» В. Вишневского, определив истоки гражданской позиции коллектива Каплянян ушел из известного театра имени Сундукяна в никому в ту пору неизвестный молодой коллектив, создал из студии театр. Сам он по этому поводу говорит: «Художник, делая выбор, должен думать о том, где он нужнее, а не о том, где ему выгоднее».

— Молодость — сама по себе еще не плюс. Главное — осознает ли художник свое время, понимает ли, зачем он, собственно, работает. Если

роль которого так не хватает современному театру. Его сила — в его вере. Он верит в своих учеников, и, как бы ни казались их поступки безрассудными, подчас — глупыми, он знает: доброта в их душах победит зло.

Мамян — молодой человек, не умеющий жить без своих суматошных десятиклассников, очень напоминает самого Капляняна. Своей верой, своим уважением к молодым. Это не случайная похожесть. Все спектакли Капляняна, как и работы его учеников, — раскрывают ли они о Гамлете, о современной армянской деревне или о Жанне Д'Арк, — исповеди. Рассказ о самом наиболее важном в душе и сердце художника.

— Может быть, главное, чему я хотел бы научить сво-

нет — неминусом начнет ставить под кого-то, работать, как Симонов, как Стурца, как Любимов...

Несколько лет назад молодые актеры нашего театра по собственной инициативе поехали на БАМ. Там они познакомились со своими сверстниками — героями, о которых читали, которых видели по телевизору и в кино, но не знали их. Там они поняли, что, кроме романтики, есть еще проза трудных будней. После этой поездки не могла не родиться работа, в которой бы вылились все их мысли и чувства. Так появилась «Иркутская история» Арбузова — спектакль целиком молодежный. Я уверен: если бы не встречи на БАМе, нам бы никогда не удалось добиться того взаимопонимания между залом и сценой, которое бывает на этом спектакле.

А взаимопонимание необходимо. Зачем человек приходит в театр? За общением, которого всем нам так не хватает. Театр — место, где искусство творится буквально на глазах у зрителей. И если человек видит на сцене настоящее — он чувствует себя его участником. Не в этом ли главная задача любого искусства?

На гастролях в Москве театр показал в постановке Капляняна пьесу современного армянского писателя В. Петросяна «Последний учитель» театр привел на сцену учителя Вагана Мамяна (очень интересная работа Левона Тухияна), это тот самый положительный ге-

ное, быть, постановка вызвала споры, Капляняна отговаривали везти ее в Москву. Но он знал: это необходимо Хандияну, необходимо и для того тоже, чтобы в будущих постановках он не боялся рисковать.

Спектакль действительно невероятный, в нем есть огрехи, но есть блистательные актерские работы — Владимира Мсряна в первую очередь (он известен зрителям, как исполнитель главной роли в фильме о Паганини) Р. Котанджяна, А. Толчян... В нем есть главное: мысль велика, сера. «Гамлет» Хандикана спорит с теми, весьма многочисленными трактовками в которых трагедия человеческой души заменяется драмой ситуаций. Хандикан не побоялся решить спектакль, как чистую трагедию — жанр, от которого мы уже немного отвыкли.

Посмотрев «Гамлета», я подумал, что настоящий педагог — тот, кого страшат не промахи учеников, не их ошибки, а то, что однажды они могут испугаться делать ошибки и промахи.

— Очень люблю людей, которых интересует происходящее вокруг них. Жизнь задает нам такой темп, что мы иногда уподобляемся пассажиру автомобиля, мчащегося с немалой скоростью по очень красивым местам. Если человек не умеет посмотреть вокруг, он сам себя обкрадывает. Как все-таки редко мы — режиссеры-профессионалы — смотрим работы друг друга, спорим о них, как легко замыкаемся в скорлупе собственной работы.

Режиссура Капляняна, как и режиссура его учеников, — умная режиссура. В этом убедил нас, может быть, лучший спектакль показанный на гастролях в Москве, — «Игроки» Ф.М. Достоевского. Удивительно, насколько поняли трагизм русского писателя и Каплянян, и исполнители главной роли — Владимир Мсрян и другие актеры: Э. Варданян, А. Толчян, Г. Габриэлян, Р. Котанджян... Спектакль получился не только очень близким Достоевскому по духу и глубине, но и современным, показывающим трагедию людей для которых главная вера в жизни — вера в деньги, вера в их непогрешимость. И когда в финале спектакля главным героем Алексей Иванович сам превращается в рулетку, которую крутят, крутят, крутят алчные руки, — становится жутко...

— Я везучий человек, потому что рано выбрал дело, которому посчастливилось отдать жизнь, потому что рядом со мной всегда были хорошие, верные люди и потому еще, что не чувствовал себя старым человеком и не почувствую, думаю, никогда! Вся жизнь я воспитываю молодежь. Вся жизнь молодежь воспитывает меня. Стариться просто невозможно!

Не жалуюсь на сердце я! Пусная шемит, болит сильнее! Чужая радость мне — своя. Чужая боль — своей больнее. Весь мир бы в сердце я взяла. Костром горела б на ветру!... Одним из первых спектаклей Ереванского драматического театра была композиция по стихам Сильвы Капутикян. Я ее знаю, звучали ли эти строки в той композиции, но они, по моему, имеют прямое отношение и к театру, и к его руководителю.

А. МАКСИМОВ.